

**Известия Таврической
ученой архивной комиссии.
Книга 49**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
ИЗЗ

ИЗЗ Известия Таврической ученой архивной комиссии. Книга 49 / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 288 с.

ISBN 978-5-517-93199-3

Таврическая Учёная Архивная Комиссия регулярно публиковала сборник трудов «Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии» (ИТУАК). Всего, с 1887 по 1920 годы, было выпущено 57 томов этого издания, в которых было опубликовано более 400 научных статей, исторических документов, археологических находок. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1913 года

ISBN 978-5-517-93199-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КЪ СТОЛѢТІЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

ТАВРИЧЕСКАЯ ГУБЕРНІЯ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ЭПОХОЙ 1806—1814 ГОДОВЪ.

Историческій очеркъ.

(По архивнымъ матеріаламъ).

I.

Вступленіе.

Выдающееся значеніе для Россіи русско-французской войны 1812 года, одного изъ величайшихъ событій въ исторіи Европы, заключается не только въ результатахъ ея, но и въ томъ высокомъ подъемѣ національнаго духа, въ томъ единодушіи, съ которымъ весь русскій народъ возсталъ на своего врага, вошедшаго въ предѣлы нашего государства и проникшаго въ сердце Россіи—Москву. Въ этомъ ея „дорогое русскому сердцу народное значеніе“, по прекрасному выраженію великаго писателя земли русской¹⁾. Эта война и получила съ полнымъ правомъ знаменательное названіе *Отечественной* войны, т. е. народной войны, борьбы за отечество, за родину. Россія показала тогда міру какъ свою матеріальную мощь, такъ и все богатство нравственныхъ силъ своего народа, высокій патриотизмъ, доблестное мужество, сомоотверженную преданность престолу и отечеству, свое національное достоинство. Подъемъ народнаго энтузіазма, единеніе народа съ царемъ въ борьбѣ за свободу и независимость вызвали и въ императорѣ Александрѣ I высоко-національное направленіе, истинное величіе

¹⁾ Левъ Толстой. „Война и Миръ“. Т. IV, ч. 4, гл. XI.

духа и безповоротное рѣшеніе вести войну до желаннаго конца. По кличу государя, вся Россія приняла живое участіе въ великомъ дѣлѣ—всеобщемъ вооруженіи народныхъ силъ на защиту царя и отечества. Ополченія, пожертвованія, народная война, партизанскія дѣйствія были отвѣтомъ на призывъ государя. „Нѣтъ возможности исчислить всѣ жертвованія, всѣ подвиги добра, совершенные русскими въ годину скорби отечества, справедливо говоритъ историкъ Отечественной войны Богдановичъ: не было той жертвы, которой не принесъ бы тогда русскій народъ для спасенія родины“¹⁾. Не только тѣ предѣлы нашего государства, которые были непосредственно захвачены войной, не только коренная Россія, но и всѣ другія области ея и окраины обнаружили тогда особенный подъемъ духа, не жалѣли никакихъ жертвъ на борьбу съ грознымъ и сильнымъ врагомъ отечества. „Всѣ племена неизмѣримои Россіи слились въ одну душу, говоритъ другой историкъ этой войны Михайловскій-Данилевскій, и, не смотря на различіе нравовъ, обычаевъ, климата, нарѣчій, вѣры, доказали, что они, по чувствамъ, родные между собою... Мысли всѣхъ соединились въ общемъ порывѣ отстоять цѣлость государства“²⁾.

Этотъ патриотизмъ, это сознаніе гражданскаго долга по отношенію къ отечеству ярко обнаружилась тогда и въ недавно еще вошедшемъ въ составъ Россіи Новороссійскомъ краѣ, въ частности въ Тавридѣ и Крыму, присоединенномъ къ Россіи всего за двадцать девять лѣтъ до Отечественной войны. Преданность Россіи и Престолу населенія Таврической губерніи, какъ русскаго, такъ и инородческаго, и, главнымъ образомъ, татарскаго, высказалась краснорѣчиво еще въ самомъ началѣ борьбы Россіи съ Наполеономъ, и это обстоятельство особенно знаменательно въ томъ отношеніи, что одновременно съ французской войной Россія въ 1806—1812 гг. вела войну съ Турціей. Эта связь событій ставила Крымъ въ исключительное положеніе и должна была вполнѣ опредѣлить настроеніе татарскаго населенія и степень преданности его Россіи въ то время, когда въ краѣ оставалось ничтожное количество войска, за выходомъ значительнаго числа его на театръ военныхъ дѣйствій, когда, по случаю войны съ Турціей, торговля и промышленность были приостановлены, и край переживалъ тяжелыя обстоятельства, и когда довѣріе правительства къ татарамъ

¹⁾ Богдановичъ. Исторія Отечественной войны. Т. II, 70—1.

²⁾ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны. Ч. II, стр. 56—57.

было поколеблено неблагоприятными слухами объ ихъ настроеніи.

Прослѣдимъ шагъ за шагомъ, на основаніи мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ, именно дѣлъ архива Канцеляріи таврическаго губернатора и Таврическаго губернскаго правленія, отношеніе населенія Тавриды къ этому великому моменту въ исторіи Россіи и степень преданности его Отечеству и Престолу, въ связи съ состояніемъ края въ это время¹⁾.

II.

Образованіе милиціи въ Таврической губерніи въ 1806 г.

Въ началѣ борьбы императора Александра I-го съ Наполеономъ, когда опредѣлилась необходимость напряженія всѣхъ силъ народа для борьбы съ непріателемъ, и Таврическая губернія показала готовность принести всѣ посильныя жертвы на нужды отечества. Первый примѣръ, какъ и слѣдовало ожидать, подало русское населеніе материковой части губерніи. Именно, дворянство и сельскіе обыватели Днѣпровскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ (Бердянскаго тогда еще не существовало), выслушавъ высочайшій манифестъ отъ 30 ноября 1806 г., единодушно составили приговоръ о сборѣ добровольныхъ пожертвованій деньгами, скотомъ и пр. на нужды войны и на составленіе внутренней милиціи, о сформированіи которой просили исходатайствовать позволеніе. Дѣло было въ томъ, что по высочайшему манифесту 3 декабря 1806 г. повсемѣстно въ нашемъ государствѣ составлялись временныя ополченія или милиціи, на подкрѣпленіе регулярныхъ армій, но въ росписаніи губерній, въ которыхъ учреждалась милиція по этому манифесту, Таврическая губернія не была помѣщена. Однако во вниманіе къ приговорамъ населенія и ходатайству Новороссійскаго генераль-губернатора дюка де-Ришелье, послѣдовало высочайшее соизволеніе въ рескриптѣ ему отъ 8 февраля 1807 г. на

¹⁾ Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ всѣми данными по этому вопросу. По словамъ таврическаго губернатора Казначеева въ письмѣ къ историку Отечественной войны Михайловскому-Данилевскому, многія бумаги, относящіяся къ данной эпохѣ, остались на рукахъ бывшаго Таврическаго губернатора Д. Б. Мертваго и въ архивъ не поступили (Дѣло канц. Таврич. губ. 1836 г., № 391). Многія дѣла, съ другой стороны, бывшія въ губернскомъ архивѣ и значащіяся по старымъ описямъ, не сохранились.

составленіе милиціи въ Таврической губерніи, въ Днѣпровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ, изъ русскихъ поселянъ и помѣщичьихъ людей, *независимо* отъ милиціи, учрежденной въ другихъ новороссійскихъ губерніяхъ, съ опредѣленіемъ сбора по одному человѣку съ 57 душъ казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ и выдачи на каждаго по 9 руб. (по 3 руб. на три мѣсяца), за соль по 18 коп. и двойной порціи провіанта (по 2 четверти и 2 четверика муки, по 1 четверику и 1 гарнцу крупы) и снабженіемъ ихъ одеждой и оружіемъ.

Но еще до введенія Таврической милиціи въ общій списокъ учрежденныхъ милицій жители Днѣпровскаго уѣзда положили, по общей раскладкѣ, денежное пожертвованіе со скота, и деньги эти были внесены. Примѣру Днѣпровскаго уѣзда послѣдовалъ и Мелитопольскій. Этотъ сборъ далъ 89815 руб. 40 коп., но такъ какъ онъ имѣлъ видъ налога, то былъ отмѣненъ. Въ то же время по опредѣленію дворянскаго собранія было пожертвовано 22504 руб. 80 коп. Приношеніе дворянъ было принято правительствомъ, но безъ раскладки на крестьянъ. Принимались только личныя пожертвованія изъ усердія.

Начальниками милицій Таврической губерніи были избраны: днѣпровскій уѣздный предводитель дворянства есаулъ Нестровевъ и начальникъ ногайскихъ ордъ полковникъ Тревогинъ. Общимъ начальникомъ милиціи былъ избранъ, по общему желанію, гвардіи полковникъ Дм. Матв. Куликовскій. Главное же начальство надъ Таврической милиціей было поручено указаннымъ высочайшимъ рескриптомъ дюку де-Ришелье. Всего было назначено въ милицію 870 человѣкъ.

Сборъ людей, денегъ и провіанта происходилъ очень быстро. Число обывателей материковой части губерніи, пожелавшихъ добровольно служить въ милиціи, превышало опредѣленную норму. Кромѣ того, изъ помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ полуострова Крыма, по добровольному желанію, поступило въ милицію въ апрѣлѣ 1807 г. 158 человѣкъ.

Первая часть милиціи—Днѣпровскаго уѣзда—должна была состоять изъ 470 рядовыхъ при 19 офицерахъ, изъ Алешковской и Знаменской волостей, а вторая часть—Мелитопольскаго уѣзда—изъ 400 рядовыхъ при 11 офицерахъ изъ казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ Токмакской волости. Всѣ ратники были изъ достойныхъ людей, всѣ конные, исправно вооруженные, снабженные провіантомъ на 3 мѣсяца. Было объявлено, что какъ скоро „обстоятельства пограничныхъ дѣлъ“ измѣнятся, люди сейчасъ будутъ распущены по домамъ.

По полученіи указа отъ 9 марта 1807 г., число ратниковъ было уменьшено до 450 человекъ, полагая по одному ратнику съ каждыхъ 57 душъ. Они имѣли свою одежду, а лошади для нихъ (на 400 человекъ) съ сѣдлами были даны татарами и ногайцами, обитавшими за Перекопомъ, въ Мелитопольскомъ уѣздѣ:

Какъ писалъ по секрету и очень обстоятельно Таврической губернаторъ Д. М. Куликовскому, милиція учреждалась, главнымъ образомъ, для сохраненія внутренняго спокойствія края и охраны жителей „отъ таящихся неудаленно отъ береговъ Чернаго моря турокъ и бдительнаго надзора, чтобы татары и ногайцы и присоединенные къ нимъ единоплеменные ихъ изъ турецкихъ областей переселенцы не предприняли чего-либо вреднаго для пособія туркамъ, своимъ единовѣрцамъ“. „Извѣстно, продолжалъ губернаторъ, что турки, колеблемые внушеніемъ отъ французскаго правительства, оказываютъ намъ непріятельское расположеніе, могутъ дѣлать покушенія къ нашимъ берегамъ и возбуждать своихъ единовѣрцевъ къ мятежу, возмущать наше спокойствіе, въ каковыхъ обстоятельствахъ могутъ подвергаться опасностямъ обыватели здѣшняго края“.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, губернаторъ назначилъ мѣстами для размѣщенія милиціоннаго войска селенія Збурьевскъ и Каланчакъ. Обязанность милиціонеровъ состояла въ разъѣздахъ по берегу моря и удаленіи отъ береговъ людей, скота и особенно лошадей въ случаѣ приближенія турецкаго флота. Милиція должна была дѣлать разъѣзды отъ Каховки до Перекопа и далѣе до Знаменки и старательно наблюдать, не подгоняютъ ли татары табуновъ къ берегу моря. Губернскимъ начальствомъ предписывалось, если бы такіе поступки обнаружались, немедленно брать ихъ во вниманіе и, раньше времени не дѣлая гласныхъ запрещеній, увѣдомлять исправниковъ, которымъ предписано было наблюдать, чтобы всякій владѣль только принадлежащей ему землей, и приказывать, чтобы татарскіе и ногайскіе табуны паслись только на земляхъ, имъ отведенныхъ. Въ случаѣ же упрямства исправникъ долженъ былъ употреблять законныя мѣры и просить помощи у начальника милиціи. Такимъ образомъ, милиціонныя команды въ Збурьевскѣ и Каланчакѣ должны были содѣйствовать въ разъѣздахъ казачьимъ постамъ и наблюдать надъ моремъ. На пространствѣ отъ Перекопа до Генческа и оттуда до Единохты, какъ равно въ Единохтѣ и Токмакѣ, милиціонныя команды назначались для ближайшаго надзора за поведеніемъ татаръ и ногайцевъ,

особенно вновь ожидавшихся, недавно бывшихъ турецко-подданными. Частнымъ начальникомъ милиціи былъ здѣсь опредѣленъ Тревогинъ, начальствовавшій надъ ногайцами, что давало ему возможность „пресѣкать всякія заги и тушить въ началѣ маленькія искры мятежа, который отъ недосмотра могъ бы обратиться въ пламень“. Впрочемъ, въ маѣ 1807 г. Тревогинъ вышелъ въ отставку, и начальствовалъ надъ обѣими частями милиціи Нестроевъ.

Въ случаѣ, если бы, сверхъ ожиданія, турки вздумали высадить десантъ на нашъ берегъ въ такомъ числѣ, что мы не были бы въ силахъ ему сопротивляться, губернаторъ предлагалъ удалить отъ береговъ жителей, а также скотъ и особенно лошадей и наблюдать какъ можно тщательно, чтобы непріятель не могъ получить ни одной лошади, а пѣшіе турки, удалившіеся отъ берега для поисковъ, легко могли быть побиты и небольшими силами. Всѣ жители должны были содѣйствовать въ этомъ милиціи, а начальникъ ея обязывался въ такомъ случаѣ присоединить къ збурьевскимъ и каланчакскихъ милиціонеровъ, находившихся на протяженіи отъ Перекопа къ Каховкѣ, равно и изъ другихъ мѣстъ по пути къ Знаменкѣ, приказавъ остальнымъ внимательно слѣдить, чтобы табуны отгонялись далѣе отъ береговъ.

Въ общемъ главнѣйшая цѣль Днѣпровской и Мелитопольской милицій состояла въ сохраненіи внутренняго спокойствія края.

Берегъ моря отъ Перекопа до Кинбурна, на протяженіи около 200 верстъ, охранялся тогда малочисленною стражею изъ казаковъ, имѣвшею главною цѣлію разъѣзды и сообщеніе извѣстій. На этомъ берегу имѣлись удобныя мѣста для приставанія судовъ, вблизи Збурьевска, за мысомъ Тендрою и близъ с. Колончакъ, „гдѣ во времена грековъ, указывалъ губернаторъ въ письмѣ Куликовскому, былъ г. Каркinitосъ“. По отзывамъ жителей, писалъ губернаторъ въ этомъ же письмѣ, во вторую войну съ Турками при Екатеринѣ Великой эти мѣста посѣщались турецкими корсарами „для смущенія и похищенія жителей“.

Отъ Перекопа по берегу Сиваша жили тогда киргизы (3558 душъ), а отъ р. Молочной до границъ Екатеринославской губерніи обитали ногайцы (8692 души) и татары (до 7000 душъ), переселявшіеся тогда съ береговъ Дуная, изъ Бессарабіи.

Посѣтивъ въ это время материковую часть губерніи, губернаторъ нашелъ, что крестьяне, число которыхъ простиралось до 25932 душъ, „ревнуя благу отечества и собственной своей безопасности“, приготовились на службу въ ополченіе въ большемъ количествѣ, чѣмъ это требовалось обстоятельствами, приготовили на 3 мѣсяца сухарей, нѣкоторые имѣли и огнестрѣльное оружіе, а остальные сдѣлали палаши изъ косъ. У всѣхъ, кромѣ того, были шки.

Въ Днѣпровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ было очень развито скотоводство, татары и ногайцы имѣли много лошадей, и у каждаго была верховая сбруя. „Слѣдовательно, писалъ губернаторъ исполнявшему обязанность Новороссійскаго генераль-губернатора маркизу де-Траверсе, когда по единовѣрью задумали бы содѣйствовать туркамъ подгономъ лошадей, то могли бы много сдѣлать зла и воспалить большое пламя въ странахъ, оставшихся безъ регулярныхъ войскъ“, — а къ такимъ мѣстамъ принадлежала и Таврическая губернія.

Въ то же время исправникамъ поручено было строжайше слѣдить, чтобы никто не отважился топтать чужихъ полей и оставался бы со своимъ скотомъ на землѣ, отведенной въ его владѣніе, чѣмъ предупреждались попытки татаръ и ногайцевъ подгонять табуны къ морскимъ берегамъ. Земля, опредѣленная для общихъ пастбищъ, находилась по лѣвую сторону дороги, шедшей отъ Берислава къ Перскопу; по правую же для этой надобности отведены были зимовники, и губернаторъ распорядился отдалить тамъ всѣ стада на степномъ пространствѣ отъ береговъ Днѣпра, Сиваша и Азовскаго моря.

Въ материковой части губерніи было среди помѣщиковъ много офицеровъ, съ отличіемъ служившихъ въ иррегулярныхъ войскахъ въ турецкую войну. Они и теперь готовы были поступить на службу, но не имѣли возможности снабдить себя всѣмъ нужнымъ для службы: лошадьми, сбруей и проч., такъ какъ хозяйственныя работы производились на волахъ, а конскіе табуны держались только для продажи.

Денежныя пожертвованія на милицію двухъ сѣверныхъ уѣздовъ простирались до 146000 руб., не считая сухарей, крупы и проч. При этомъ дворянами было дано на милицію до 21 октября 1811 г.: добровольныхъ пожертвованій 10092 руб. 22¹/₄ коп., десятирублеваго сбора 5369 руб. 32¹/₂ коп. Къ 11 августа 1812 г. пожертвовано было 11946 руб. 11 коп., а съ десятирублевымъ сборомъ 17333 руб. 92³/₄ коп. Крупныя по-

жертвованія были сдѣланы: женой ст. сов. Нотара 500 руб., графомъ Каховскимъ 400 руб., пятью лицами по 100 руб.

Но разъѣзды милиціи по морскому берегу долго откладывались. Многіе помѣщики въ Мелитопольскомъ уѣздѣ и сами не записывались и дворовыхъ людей не давали, и ратниковъ надо было собирать при посредствѣ исправниковъ. Въ то же время крестьяне обнаруживали полную готовность исполнить волю царя. За недостаткомъ дворянъ, урядниками назначались достойнѣйшіе изъ поселянъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ были сокращены и преобразованы временныя земскія ополченія, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, гдѣ раньше ихъ не было, равно какъ въ Таврической, вновь учреждалось земское войско.

Во второй половинѣ апрѣля выяснилось, что можно уменьшить составъ милиціи къ охраненію спокойствія по границамъ края, и въ первой части милиціи оставлено 217 чел., а во второй 238 чел., а всего 455 чел. Они являлись на службу по большей части пѣшіе, съ провіантомъ на три мѣсяца. Офицерамъ милиціи даны были Куликовскимъ нужныя инструкціи, сообразно съ вышеприведенными указаніями губернатора. Сохранились милиціи, какъ уже сказано, на пожертвованныя суммы.

Днѣпровскій уѣздъ обнаружилъ выдающееся усердіе въ этомъ дѣлѣ, особенно алешковскіе крестьяне, вышедшіе съ оружіемъ, саблями, пиками и приличнымъ одѣяніемъ.

Милиціонеры сопровождали арестантовъ, сотня ратниковъ Днѣпровскаго ополченія заняла кордоны отъ Кинбурна до Перекопа совместно съ донскими казаками и содержала пограничную стражу вмѣсто донскихъ казаковъ, когда они переведены были отсюда по военнымъ надобностямъ. Затѣмъ къ ней были присоединена и вторая сотня Днѣпровской милиціи. Мелитопольская милиція занята была также сопровожденіемъ арестантовъ и т. п. порученіями.

3 августа 1807 г., послѣ Тильзитскаго мира, по предписанію дюка де-Ришелье, Таврическая милиція была упразднена, и ратники обращены въ первобытное состояніе „до времени, когда они потребуются“, а посты, которые они занимали, снова заняты были донскими казаками. По манифесту 27 сентября 1807 г. существованіе земскаго войска прекращено. Въ октябрѣ 1807 г. милиція была распущена. За службу по 1 ноября выдано было чинамъ милиціи 5376 руб. 92³/₄ коп.

Отъ помѣщиковъ, мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ были собраны свѣдѣнія, желаютъ ли они оставить ратниковъ, поступившихъ отъ нихъ вмѣсто рекрутъ, на службѣ или на прежнемъ жительствѣ. Между прочимъ, управляющій имѣніемъ гр. Литте всѣхъ ратниковъ зачислилъ въ рекруты, безъ ихъ согласія, что было отмѣнено.

На Крымскомъ полуостровѣ также была собрана, какъ выше сказано, „внутренняя милиція“. „По малоимѣнію обывателей (т. е. крестьянъ) внутри Крыма“, какъ докладывалъ губернаторъ министру внутреннихъ дѣлъ 19 окт. 1807 г., сформирована была милиція изъ людей свободныхъ христіанской вѣры и употреблялась для сохраненія благоустройства по дорогамъ внутри Крыма, препровождала пересыльныхъ колодниковъ, а татары, освобожденные отъ этой повинности, дали лошадей и верховую сбрую. Изъ пожертвованныхъ денегъ давались ратникамъ жалованье по 3 руб. въ мѣсяцъ и провіантъ, одинаковый съ получаемымъ въ войскахъ. Съ перемѣною военныхъ обстоятельствъ и эта милиція была признана дюкомъ де-Ришелье ненужною и была распушена, а лошади возвращены татарамъ¹⁾.

III.

Сформированіе татарскихъ конныхъ полковъ Жертвы обывателей Таврической губерніи.

Въ то время, когда учреждалась милиція въ сѣверныхъ уѣздахъ Таврической губерніи, въ Крыму энергично шло другое патріотическое дѣло—сформированіе татарскихъ полковъ.

20 декабря 1806 года Таврическіе татары, дворяне-магометане, собрались въ Симферополь для выбора муфтія, и тутъ, послѣ прочтенія высочайшаго манифеста отъ 16 ноября этого года, „изъявили ревностное желаніе показать примѣръ усердія и преданности Всеавгустѣйшему Россійскому Престолу составленіемъ изъ своей націи коннаго войска, съ тѣмъ, чтобы оно

¹⁾ Дѣло Таврич. Губ. Правл. 1806 г. № 4540. О составленіи и образованіи повсемѣстныхъ временныхъ ополченій и послѣ мира упраздненіи оныхъ. На 174 лист.—Дѣло Канц. Тавр. Губ. 1807 г. № 146. О сформированіи милиціи въ Днѣпровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ. На 285 лист.—Дѣло 1811 г. № 481. О приношеніяхъ на милицію.—Дѣло 1807 г. № 369, по предписанію министра внутреннихъ дѣлъ, о доставленіи свѣдѣній о тяжестяхъ, по случаю войны обывателями понесенныхъ. На 40 лист.

было употреблено противъ враговъ Его Императорскаго Величества“, о чемъ былъ составленъ приговоръ, подписанный новымъ муфтіємъ Муртазой Челеби эфендіємъ, мурзами и другими татарами. Прошеніе на высочайшее имя, съ выраженіемъ желанія крымскихъ татаръ выставить нужное число конныхъ полковъ на своемъ иждивеніи для защиты отечества, было подано черезъ тогдашняго таврическаго губернатора Д. Б. Мертваго. Послѣдній представилъ этотъ приговоръ министру внутреннихъ дѣлъ, съ замѣчаніемъ, что татарскіе полки, которые составляютъ отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ мурзъ, весьма могутъ быть полезными въ арміи противъ французовъ, ибо татары неусыпны, лично храбры, а лошади ихъ очень выносливы, и, словомъ, войско это можетъ причинить много вреда неприятелю. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мертваго ходатайствовалъ объ оказаніи благодѣянія семействамъ поступившихъ на службу татаръ освобожденіемъ ихъ отъ поставки топлива для войскъ.

Отъ сформированія этихъ полковъ Мертваго предвидѣлъ большую пользу: 1) „Татары получали опять возможность пріобрѣсть довѣріе правительства, поколебленное неблагоприятными слухами о настроеніи ихъ, удостоиться отличій и, сдѣлавшись участниками славы Россіи, объединиться сердцами съ вѣрными сынами отечества“. 2) Если бы въ то же время открылась война съ турками, то, полагалъ губернаторъ, оставалось бы менѣе воинственнаго элемента въ Крыму, особенно горскихъ жителей, которыхъ предпочтительно предполагалось опредѣлять въ полки. 3) Татары, особенно знатные мурзы, были бы при арміи въ нѣкоторомъ родѣ аманатами за вѣрность своихъ собратій.

Императоръ Александръ I милостиво принялъ эту просьбу и высочайшимъ указомъ (Полное собраніе законовъ 1807 г., № 22772) повелѣлъ разработать вопросъ о сформированіи четырехъ конныхъ полковъ изъ крымскихъ татаръ. Особо назначенный для разсмотрѣнія этого вопроса комитетъ изъ военнаго министра, министра внутреннихъ дѣлъ и генерала отъ инфантеріи Феньша постановилъ сформировать эти полки или баталіоны съ возможною осторожностію, такъ какъ въ Крыму не было почти войскъ и въ предупрежденіе неудачъ, подобныхъ бывшимъ въ первыхъ крымскихъ дивизіонахъ, и поручить это дѣло Херсонскому военному губернатору дюку де-Ришелье, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на укрѣпленіе въ этихъ полкахъ дисциплины. Государь изъявилъ желаніе сфор-